

Вечер. В одноэтажном домишке семьи Се царила тишина. Отец снова явился пьяным и заснул ещё до того, как Се Аньхэн вернулся из парка Южного озера.

Мальчик бесшумно прошмыгнул в свою комнату, запер дверь на засов и вытащил из портфеля стеклянный контейнер. Поставив его на письменный стол, он аккуратно снял крышку.

Комнату мгновенно заполнил аппетитный аромат домашней еды.

Мало кто смог бы устоять перед полной порцией любимых блюд, что уж говорить о ребёнке, который отродясь не знал нормального ужина.

На раздумья ушло от силы пару секунд, после чего Аньхэн сдался. Он вскрыл упаковку со свежими приборами и принялся уплетать за обе щеки. Три блюда оказались в тысячу раз вкуснее, чем он мог вообразить. Мальчик понятия не имел, чем кормят в дорогих ресторанах, но был уверен: ничего лучше на свете не существует.

Он ел слишком быстро и в какой-то момент со всего размаху прикусил язык, так что пришлось долго шипеть от резкой боли. Проглотив всё до последней крошки, Аньхэн убрал контейнер. Поразмыслив, он всё же проткнул трубочкой пакетик с молоком, упёрся спиной в изголовье кровати и попытался починить аэрозоль-обезболивающее.

Увы, распылитель так и не поддался. Смирившись с неудачей, мальчик аккуратно спрятал всё, что получил за эти два дня, в обувную коробку под кроватью.

Почистив зубы и умывшись, он к девяти часам улёгся в темноте. В пальцах Аньхэн сжимал запонку. Подняв её к лицу, он наблюдал, как тусклый лунный свет, проникавший через окно над письменным столом, падал прямо на металлический край, отбрасывая мягкое, нежно-голубое сияние.

Спокойное и умиротворяющее.

Полюбовавшись им ещё пару минут, мальчик спрятал запонку под матрас и зажмурился.

В это же время Се Синчжи, вернувшись в гостевой дом Фусинь, всё ещё сидел при свете лампы за маленьким столиком. Опустив голову, он дотошно воскрешал в памяти детские годы, пытаясь вспомнить каждую беду, каждое несчастье, выпавшее на его долю.

Сегодняшний случай стал для него серьёзным предостережением. Не реши он отнести мальчику еду и не окажется у ворот ответственный охранник, Аньхэна избили бы прямо у него на глазах.

Синчжи не мог допустить подобного. Он ни за что на свете больше не позволит мальчику терпеть те унижения, через которые пришлось пройти ему самому.

Вращая ручку над настольным календарём, Синчжи припомнил ещё несколько эпизодов и обвёл соответствующие даты. Хэ Минсюй порвёт учебник по литературе, из-за чего учительница заставит писать объяснительную. Попытка попросить у отца денег на новую тетрадь для словарных диктантов закончится побоями, а на уроке его поставят у доски за отсутствие этой самой тетради...

Выводя на страницах аккуратные строчки, он подвёл итог, закрыл колпачок, сладко потянулся и, захватив обновки, направился в ванную.

На следующий день ближе к вечеру Се Синчжи снова вышел с контейнером еды и пакетиком молока.

— Опять малыша кормить пошёл? — приветливо окликнула его старушка, хозяйка гостевого дома Фусинь, как раз возвращавшаяся с посиделок за картами.

Синчжи кивнул и бросил первое попавшееся объяснение:

— Ага. Мальчик растёт, надо, чтобы ужинал сытно.

Еду-то он действительно нёс, вот только к школе на этот раз не пошёл. Он уже дважды незаметно подкидывал вещи в портфель Аньхэна; даже самый доверчивый и наивный ребёнок заподозрил бы неладное. Схема с «засыпкой в толпе» у ворот больше не годилась.

На этот раз Синчжи решил отнести ужин прямо к дому его папаши-пьяницы. Ветхая одноэтажка выглядела всё так же убого, как и в его воспоминаниях. Избегая прохожих, Синчжи срезал путь через узкий переулок, выходивший аккуратно к заднему двору.

Окно комнаты маленького Аньхэна выходило прямо сюда. Старое, разохшееся от времени, оно не закрывалось до конца. В ветреную или дождливую погоду за столом невозможно было сидеть — капли летели прямо в лицо. Но сейчас эта щель оказалась Синчжи как нельзя кстати.

Привычным движением перемахнув через низкую ограду, он подошёл к окну. В детстве, чтобы дотянуться до подоконника, приходилось подставлять стул, а теперь достаточно было просто протянуть руку.

Просунув пальцы в щель, Синчжи без труда отодвинул створку и поставил контейнер на внутренний подоконник. Аньхэн ещё учился, так что оставить еду и уйти было и безопасно, и удобно.

Мальчик был смыслёным и благодарным — наверняка догадается оставить пустые контейнеры на том же месте.

Убедившись, что ужин стоит надёжно, Синчжи выбрался из переулка и заглянул в небольшую книжную лавочку неподалёку. Купив новый учебник литературы для седьмого класса и тетрадь для словарных диктантов, он расплатился и задумал при первом удобном случае проникнуть в школу, чтобы подкинуть их в парту Аньхэна.

Когда он вернулся в гостевой дом Фусинь, старушка вязала свитер.

— Доставил обед? — сощурилась она с улыбкой.

— Ага. Извините за беспокойство, что занял вашу кухню. — Постояльцев сейчас не было, и Синчжи, опираясь на стойку, решил немного с ней поговорить.

— Да что за церемонии! — Пожилая женщина отложила спицы и с укоризной посмотрела на него. — И перестань подбрасывать мне деньги в ящик! Ещё раз так сделаешь — вообще плату за комнату брать не буду!

Синчжи от неожиданности смутился, почесал кончик носа и усмехнулся:

— Хорошо, больше не буду.

— Вот и ладно, — смягчилась бабушка. — Вам, молодёжи, и так непросто зарабатывать на жизнь, а у тебя ещё и ребёнок. Прибереги деньги на мальчишку. Мне, старухе, много ли надо?

А потом добавила:

— Кстати, когда сынишку к себе приведёшь? А то всё у матери да у матери... Папе тоже надо время уделять!

Синчжи опешил, сообразив, что старушка всё истолковала по-своему.

— Да я... я не... — замешкался он.

— Ой, да ладно тебе, плавали — знаем! — перебила она. — Молодёжь всегда так: чуть что — сразу в позу! Ну поссорились, ну уступи ты ей немного! Зачем по гостиницам скитаться? И чувства остынут, и ребёнку вред один. Столько дней прошло, мальчишка наверняка по тебе скучает! Небось каждый день плачет, папу зовёт.

Синчжи поджал губы и решил не оправдываться:

— Ему пока лучше побыть там. А заботиться о нём я и так могу.

Бабушка посмотрела на него как на неразумное дитя:

— Заботиться? Воспитание — это не просто еду принести да подарок всучить! Главное — внимание и любовь! Никакие подарки на свете не заменят ребёнку твоего присутствия!

Синчжи замер. Забрав купленные учебники и канцелярские принадлежности, он поднялся к себе. Окно его номера выходило на улицу, откуда прекрасно просматривались ворота школы.

Синчжи упёрся лбом в стекло, размышляя над словами старухи, и слегка нахмурился. Вдруг его взгляд зацепился за знакомый силуэт. В толпе учеников показался маленький Аньхэн.

Благодаря нескольким дням полноценного питания, регулярно принимаемым лекарствам и отсутствию побоев от отца, мальчик держался куда увереннее, а его бледные щёки заметно розовели.

Однако вопреки воспоминаниям Синчжи, Аньхэн не поспешил домой. Вместо этого он протолкался сквозь толпу школьников и остановился у аптеки на противоположной стороне улицы, беспокойно озираясь по сторонам, словно высматривал кого-то.

Синчжи нахмурился ещё сильнее. Он не сводил с мальчугана глаз до тех пор, пока людской поток не иссяк полностью. Лишь тогда Аньхэн понурил голову и одиноко поплёлся прочь.

Очнувшись, Синчжи заметил, что от напряжения со всей силы впился пальцами в деревянную раму, так что на коже остался глубокий багровый след.

В пятницу утром утреннее чтение и первые два урока отвели под литературу. Сдав домашнюю работу, Аньхэн повернул голову и мельком взглянул на Хэ Минсюя, сидевшего наискосок позади него.

Того только что жестоко отчитали, а в понедельник заставили читать заготовленное раскаяние перед всей школой во время линейки. Встретившись взглядом с Аньхэном, Минсюй на мгновение оцепенел. Однако тут же оскалился и беззвучно артикулировал губами: «Учебник литературы».

Аньхэн смерил его равнодушным взглядом и молча вернулся за парту.

— Время утреннего чтения! Кто не сдал тетради — оставьте на перемену! — громогласно раздалось от дверей. На пороге возникла учительница литературы. — Завтраки немедленно

убрать, не столовая! Достаём учебники и читаем!

Шумный класс мгновенно притих.

— Опять у Демона Юй климакс начался, — зашептались за соседними партами.

— Да он у неё никогда и не заканчивается.

— Представляешь, я в прошлый раз учебник дома забыл, так она заставила меня параграф пять раз переписывать!

— Это ещё цветочки! Я как-то сестре разрешил учебник посмотреть, а она его водой залила. Я высушил, а эта заставила родителей в школу вызвать, орала, что неуважение к книге — это неуважение к ней! Дома отец меня так отлупил...

— Жесть...

Аньхэн опустил глаза, не спеша полезть в портфель. Его учебник был разорван Хэ Минсюем ещё до урока биологии.

Поставив кружку на стол, учительница спустилась с кафедры и пошла между рядами, проверяя, все ли заняты делом. Цоканье её каблучков звучало точно погребальный звон.

— Эй, Се Аньхэн, — раздался шепоток из-за спины.

Мальчик знал, что это Минсюй, и не повернулся.

— Давай доставай книжку-то, Аньхэн, — с ехидной ухмылочкой поддел Хэ Минсюй и тихонько прыснул.

— Ты что там бормочешь?! — Учительница Юй со звонким треском грохнула журналом по его парте. — Встань и повтори громко, чтобы весь класс слышал!

По рядам прокатился сдавленный смешок. Взбешённый Минсюй подскочил с места и крикнул на всю аудиторию:

— Докладываю, учитель! Я просто напомнил Се Аньхэну достать учебник! У него парта пустая, он точно его дома забыл!

История о том, как этот хулиган издевался над одноклассником на уроке биологии, успела облететь всю школу, и учительница Юй прекрасно об этом знала. Впившись в него строгим

взглядом, она рывкнула:

— За своими вещами следи! Мешаешь классу заниматься! Будешь стоять до самого звонка!

Тем не менее, она направилась прямо к парте Аньхэна. Закипающий от злости Минсюй вытаращил глаза, сгорая от желания увидеть, как мальчика смешают с грязью.

Стук каблучков раздавался всё ближе. Набрав в грудь воздуха, Аньхэн зажмурился и наугад вытащил из стола истерзанный учебник.

— И где же, позволь узнать, пусто?! — гаркнула учительница на Минсюя. — Учебник на столе! Тебе лишь бы языком чесать да над людьми издеваться! — Затем она постучала ногтем по парте Аньхэна и смягчила тон: — Открывай книгу, со сжатыми створками много не начитаешь.

Не стала ругаться?..

Аньхэн опустил взгляд и обомлел. В руках у него лежал совершенно новый учебник, обёрнутый в прозрачную обложку.

Сняв волну изумления, Аньхэн послушно перелистнул страницу на нужную тему. Позади него Хэ Минсюй буквально лишился дара речи — у него чуть глаза из орбит не вылезли.

Откуда у этого нищebroда взялся новый учебник?!

На пятиминутной перемене между утренним чтением и первым уроком Аньхэн тщательно обшарил свой стол. Изорванная книга исчезла, а вместо неё, помимо нового учебника, в глубине выдвижного ящика лежал новенький тетрадный блокнот для словарных диктантов по английскому.

Мальчик сперва подумал, что тетрадь оказалась тут случайно. Но в конце первого дневного урока учительница английского объявила с трибуны:

— Со следующего занятия всем иметь при себе новые тетради для диктантов! Объём материала увеличивается, будем регулярно писать контрольные словарные работы.

Класс занял. Лишь Аньхэн сидел неподвижно, уставившись на новенькую тетрадь. Пальцы сжали плотную бумагу так, что она смялась по краям. Сердце в груди заколотилось как сумасшедшее.

Последним уроком стояла биология. Пожаловавшись на недомогание, он отпросился у преподавателя и, еле переставляя ноги, вышел из кабинета. Едва оказавшись вне поля зрения учителей и учеников, Аньхэн со всех ног пустился домой.

Начиная со дня выездного занятия, тот неизвестный благодетель каждый вечер оставлял у него на подоконнике ужин и молоко. Сейчас выпадал отличный шанс застать его...

Пролетев полгорода без остановки, он вбежал во двор и первым делом вскинул голову к окну.

Увы... На подоконнике уже стоял контейнер с едой и пакетик молока. Человек снова успел уйти.

Задыхаясь от быстрого бега, Аньхэн не сводил глаз с оставленных вещей. Через пару секунд он крепко сжал губы, сбросил портфель, взобрался на табуретку и дотянулся до еды.

Едва пальцы коснулись крышки, мальчик замер. Еда была горячей. Куда горячее, чем в прошлые дни! Значит, его незримый покровитель был здесь совсем недавно и ещё не успел уйти далеко!

Аньхэн настежь распахнул створку, перемахнул через подоконник и вихрем выскочил из двора. Он мчался во весь опор, жадно вглядываясь в пустынные проулки. Никого... Вокруг не было ни души.

Преодолев большую часть переулка, мальчик выдохся и застыл у самого выхода на главную улицу. Смахнув тыльной стороной ладони крупный пот со лба, он разочарованно опустил уголки губ.

Как вдруг... На противоположной стороне улицы, возле лавки с лотерейными билетами, он заметил мужчину. Высокий, стройный, с широкими плечами и тонкой талией — он выглядел совершенно чужим на фоне нищих трущоб.

— Ну и везучий же ты, ха-ха-ха! Обязательно заходи завтра, я за тобой повторять буду! — во весь голос хохотал хозяин лавочки.

Мужчина стоял в полоборота к Аньхэну. Он что-то негромко ответил торговцу, отчего тот расплылся в довольной ухмылке. Незнакомец и сам едва заметно улыбнулся, слегка прищулив тёмные глаза.

Лёгкий порыв ветра чуть растрепал полы его белоснежной рубашки. Он неторопливо поправил манжеты, и его тихий, бархатистый голос долетел до ушей мальчика.

Угасающие лучи заходящего солнца заливали улицу мягким светом, позолотив тёмные пряди волос и длинные ресницы незнакомца. В этот миг Се Аньхэн забыл, как дышать. То ли от сумасшедшей скачки, то ли от непонятного волнения сердце его заколотилось у самого горла, готовое выпрыгнуть из груди.